

Предисловие

Однажды утром мы с моим другом плавали на байдарке по озеру в штате Нью-Гемпшир. Вокруг простиралась безмятежная ровная гладь озера. Единственным существом, нарушающим это безмолвие, была синяя цапля, которая поначалу неспешно склевывала кувшинки, а потом нашла себе укромное местечко в самой трясине и спряталась там, не обращая внимания даже на байдарку. И среди этой тишины, как будто окутывающей все вокруг – озеро, леса и горы – сверхъестественной гармонией и спокойствием, мой друг несколько удивил меня, заметив, что сегодня День Независимости.

Какие бы ни совершались в этот момент торжества, все это казалось настолько далеким от этого мира безмолвия. Очутившись в Новой Англии невозможно забыть Старую Северную Церковь и колокольню, освещаемые фонарями, Банкер Хилл и те выстрелы, которым суждено было произвести фурор во всем мире.

Политическая свобода – это то, что действительно ценно. Но нет такой политической свободы, которая не была неразрывно связана с внутренней личностной свободой людей, составляющих эту нацию. Вряд ли можно говорить о свободе нации, представляющей собой конформистов и состоящей из роботов. В настоящей книге мы постараемся, так или иначе, пролить свет на это понятие внутренней личной свободы, лежащей в основе свободы политической. В дальнейшем, когда я буду касаться свободы политической, это, как правило, будет служить в качестве иллюстрации.

Такая личная свобода думать, чувствовать и говорить то, что человек думает, а также осознавать, – все это качества, отличающие человека от других существ. И какой бы парадоксальной ни оказалась собственная судьба, эта свобода представляет основу человеческих ценностей, таких как: любовь, смелость, честность. Свобода – это то, как мы относимся к собственной судьбе, и судьба важна лишь потому, что у нас есть свобода. В борьбе нашей свободы против судьбы или с судьбой рождается наш творческий потенциал, да и сама культура.

Ролло Мэй

Июль, 1981

Холдернесс, Нью-Гемпшир

I

КРИЗИС СВОБОДЫ В НАШИ ДНИ

Подлинное назначение Человека...высочайшее и гармоничное развитие его способностей для достижения им абсолютного и единого целого. Свобода есть главное и неотъемлемое условие, что и является предпосылкой подобного развития.

Карл Вильгельм фон Гумбольдт

“Свобода – всего лишь красивое слово, означающее, что терять уже нечего.”

Крис Кристоферсон и Фред Фостер, «Я и Бобби МакГи»

Воистину поражает тот факт, что на протяжении всей истории человечества свобода считалась чем-то настолько ценным, что сотни тысяч людей с радостью готовы были отдать свою жизнь за нее. Подобное стремление к свободе отмечается не только у людей, к которым мы относимся с благоговением, таких как, Джордано Бруно, который поднял голос за свободу мысли для всех народов, и Галилей, перед лицом Инквизиции настаивающий на том, что земля действительно вращается вокруг солнца, но также и у большей части людей, имена которых навсегда останутся невоспетыми и неизвестными. Свобода должна иметь некий глубинный смысл, соотноситься с самой «сущностью» того, что означает быть человеком, быть целью подобных устремлений.

Многие люди по-прежнему убеждены в том, что они сами и их соотечественники должны быть готовы умереть за свободу. Подобное чувство, как правило, находит свое выражение в форме патриотизма. Другие, кто не согласен с тем, что политическая свобода есть то, за что стоит отдавать свою жизнь, тем не менее утверждают то же самое в отношении психологической и духовной свободы – право мыслить и поступать так, как человек считает правильным, без того духовного контроля, который мы можем наблюдать в романе 1984. В силу разных причин, ко-

торые можно проследить с самого начала истории и вплоть до маршей, посвященных свободе, и разного рода движений в защиту свободы уже в наше время, принципы свободы считаются более ценными, нежели сама жизнь.

Достаточно лишь беглого взгляда на длинный перечень знаменитых людей, по крайней мере раньше, чтобы убедиться в том, что свобода, согласно Генрику Ибсену, – «наше самое большое сокровище». Жана Жака Руссо глубоко поразили тот факт, что люди готовы «выносить голод, идти на костер, преодолевать все тяготы войны и положить свою жизнь за собственную независимость». Вот что он пишет в отношении свободы: человек «жертвует удовольствиями, отдыхом, благополучием, силой и самой жизнью ради сохранения только этого блага».¹ Кант также стремился отстаивать свободу в спорах с теми, кто полагал, что ужас французской революции показал то, что очень многие люди оказались не готовы к свободе. «Принятие подобного принципа», – писал Кант, – «что свобода не имеет никакой ценности для тех, кто находится под контролем, и что есть такое право отказать им в этом навсегда, – будет нарушением прав самого господина Бога, который создал человека свободным».²

Многие великие люди считали, что способность и степень свободы являются качествами, отличающими человеческое существо от других животных. На мой взгляд, Руссо чрезмерно упрощал проблематику свободы в своем образе «благородного дикаря», утверждая, что «человек рожден свободным, а, между тем, везде он в оковах». Тем не менее, у него случались и подлинные инсайты. Он презирал высокомерие тех, кто пытался объяснить человеческую природу той же самой механикой, которая применима к животному миру. Последнее «вряд ли можно счи-

¹ Разница, по мнению Руссо, состоит в том, «что лишь природа делает все для функционирования животного, в то время как человеку самому приходится как-то организовывать собственное пространство, проявляя при этом самостоятельность. В первом случае делается выбор или совершается отказ в силу инстинкта, в последнем – благодаря волевому усилию... и не совсем понятно, что отличает человека от животных, помимо самостоятельности. Природа властвует над любым животным, и зверь вынужден подчиниться. Человек испытывает такое же побуждение, но он понимает, что свободен уступить или же оказать сопротивление; и превыше всего, именно в осознании им этой свободы проявляется одухотворенность его души». (Noam Homsy, *For Reasons of State* (New York: Vintage, 1973), p. 392.)

² Cited by Noam Chomsky, *For Reasons of State* (New York: Vintage, 1973), pp. 392-93.

тать объяснением свободы человека и осознанием собственной свободы».

Шеллинг также страстно выступал в защиту свободы: «все эти знания могут оказаться бесполезными, если это не найдет подкрепления в собственных силах», и «это не что иное как... свобода». И здесь опять же он пишет о том, что «Философия [есть] продукт исключительно свободного человека, и в этом состоит сам по себе акт свободы.... Главный постулат любой философии действовать свободно, сообразно собственным представлениям, кажется столь же необходимым... что и главный постулат геометрии – начертить прямую линию. Так же как геометр должен доказать прямую, философ должен доказать свободу».³ Иными словами, «истинность свободы не требует доказательств»; и в этом ее неотъемлемое право.

И хотя мы еще вернемся к эмпирическому определению свободы, следует обратить внимание на то обстоятельство, что Шеллинг говорил о том, что свобода не требует доказательств. Ведь даже тогда, когда человек мыслит и говорит, это предполагает свободу. Для этого, соответственно, не требуется никаких доказательств. Способность переживать страх и удивление, вынашивать образы и сочинять стихи, доказывать научные теории и создавать великие произведения искусства – все это предполагает свободу. И это требуется для человеческой способности рефлексировать. Наш современник, представитель интеллигенции, Сэр Исайя Берлин так же, как и Шеллинг, отмечает: «практически любой высоконравственный человек в человеческой истории превозносил свободу».⁴

Кому нужны эти нескончаемые и экстравагантные панегирики? Почему свобода должна вызывать такое благоговение, особенно в мире, в котором практически ничего больше не вызывает такого трепета?

---

³ Шеллинг также отмечает: «Стремление, чтобы категория свободы о - ражала самую сущность философии...привело к тому...что в науке, в самых разных ее направлениях, произошли более существенные сдвиги, по сравнению с какими бы то ни было кардинальными изменениями до того» (cited by Chomsky, *op.cit.*, p. 388)

⁴ Isaiah Berlin, *Four Essays on Liberty* (New York: Oxford University Press, 1969), p. 121.

1. Уникальность свободы

Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо понимать, в чем же уникальность свободы. Любая иная реальность в человеческом опыте становится тем, чем она является по самой своей природе. Наше сердце бьется, глаза видят; все это заложено в нас самой природой. Или же, если мы возьмем какой-то пример из неорганики, например, ценности, то мы будем знать, какова природа этих ценностей – например, судить о каких-то вещах настолько приближенно к реальности, насколько это возможно. И нам известно, что такое красота и каков ее характер. Все то, о чем мы говорили выше, характерно для человеческого существа сообразно его природе.

Так в чем же тогда природа свободы? Сущность свободы как раз и состоит в том, что это не является данностью. Ее функция в том, чтобы изменить природу, стать чем-то отличным от того, что это представляет в каждый конкретный момент. Свобода – это возможность развития, улучшения жизни; или же, наряду с этим, возможность ухода, отрицания, следования по пути, когда собственный рост становится бессмысленным. Пауль Тиллих утверждал, что именно «в природе свободы и состоит самоопределение».⁵ Эта уникальность делает свободу отличной от любой другой реальности в человеческом опыте.

Уникальность свободы также состоит в том, что она является первоосновой всех ценностей. Если мы будем рассматривать такие ценности, как честность, любовь или смелость, мы столкнемся, как это ни странно, с тем, что они не могут идти параллельно с ценностями свободы. Принимая во внимание то обстоятельство, что иные ценности являются производными от свободы, они и зависят от свободы.

Рассмотрим такую ценность, как любовь. Как я могу превозносить любовь человека, если знаю, что любовь нельзя обрести наряду со свободой? Что же будет удерживать эту так называемую любовь от того, чтобы не оказаться всего лишь зависимостью или конформностью? «Ведь любовь может принимать какие-то определенные очертания, только если есть свобода», пишет Жак Эллюль. «Свободному человеку даруется любовь,

---

⁵ Ruth Nanda Anshen, *Freedom, Its Meaning* (New York: Harcourt, Brace, 1940), p. 123

ибо любовь одновременно является неожиданным открытием другого и готовностью сделать что-то для него».⁶

Или же, скажем, такая ценность, как честность. Бен Франклин когда-то так сказал об этом нравственном принципе, который стал общеизвестным, что «честность – лучшая политика». Но если это лучшая политика, то вовсе никакая не честность, а просто хороший бизнес. Когда человек волен действовать вразрез с финансовыми интересами собственной компании, именно в этом состоит подлинная честность. Если это не предполагает свободу, честность утрачивает свои нравственные ориентиры. Смелость также перестает быть настоящей ценностью, если она якобы демонстрируется кем-то, кого к этому принудили.

Таким образом, свобода есть нечто большее, нежели сама ценность. Она лежит в основе возможности оценивания и является базовой для нашей способности оценивания. Без свободы нет ценности, которую можно было бы так называть. В наше время, когда не существует единого мнения относительно того, что можно считать общим благом и делом каждого, в наше время утраты ценностей, наше возвращение к жизни – если мы действительно этого хотим – должно быть основано на том, что мы примиримся с источником этих ценностей, а именно: свободой. Именно поэтому свобода представляется настолько важной, являя собой цель психотерапии, ибо какой бы ни была система ценностей клиента, она будет основана на его опыте независимости, представлении о личной власти и возможностях, а главное – свободе, которую он надеется обрести в терапии.

Нам постоянно приходится воссоздавать и возрождать свободу. Свобода – это способность, как мы уже могли видеть, выходить за пределы собственной природы; тот самый случай, когда это избитое слово «выходить за пределы» действительно уместно. Мы начинаем иначе относиться к тому невероятному ореолу, созданному нашими предками вокруг слова свобода, подобно птице феникс, восставшей из пепла. Мы также сталкиваемся с опасностями, которые таит в себе свобода. Люди цепляются за свободу, дорожат ею, готовы отдать за нее жизнь, если это потребуется, или же отстаивают ее в отношениях с другими людьми, если они не удовлетворены тем, что имеют. Кроме того,

---

⁶ Jacques Ellul, *The Ethics of Freedom* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1976), p. 200.

согласно статистическим исследованиям Милтона Рокича⁷, верным является и то, что большинство людей по-прежнему ставит свободу на самое первое место в иерархии собственных ценностей.

В этом состояло главное отличие между рабами и свободными гражданами в Древней Греции и Риме⁸, а также на юге Соединенных Штатов во времена рабства. О рабах могли заботиться должным образом физически, их могли хорошо кормить и хорошо с ними обращаться – зачастую лучше, чем они сами могли бы себя поддержать, имея свободу. Но они не имели того «неотъемлемого» человеческого права защищать публично свои убеждения или даже верить во что-то иное, отличное от того, во что верили их хозяева. Взять имя своего господина означало обязательную субординацию в отношении кого-то, что отличало рабов от свободных граждан. Достаточно вспомнить борьбу главных действующих лиц в «Предках» ради сохранения своего подлинного имени даже на надгробиях. То же самое происходило и в браке, против чего было направлено женское освободительное движение.

Любой человек понимает, что субординация, которую необходимо соблюдать в отношении своего господина, глубоко ранит человеческое достоинство раба, но мы не до конца осознаем того, что то же самое происходит и с самим хозяином. Тот, кто владеет рабами, оказывается в такой же степени поработчен тем человеком, которым он владеет; рабство действует разрушительно на обоих. Человек скорее выберет – вопреки тому, что было нам показано в Великом Инквизиторе – снижение уровня жизни, будучи свободным человеком, нежели предпочтет, чтобы о нем хорошо заботились, оставаясь при этом рабом. Руссо

⁷ Milton Rokeach, *Beliefs, Attitudes and Values* (San Francisco: Jossey-Bass, 1968). Рокич устанавливает классификацию ценностей в различных группах по стране, поэтому его концепцию можно считать истинной применительно к разным слоям населения в Соединенных Штатах. Если мы будем рассматривать только чернокожее меньшинство, у которых имеются все основания быть циничными в отношении свободы, самые высокие показатели будут по шкале «равенство», а «свобода» ставится на десятое место. В то время как безработное белое население ставит «свободу» на третье место, а «равенство» на девятое.

⁸ Здесь можно выделить несколько исключений среди известных людей. Например, Эпиктет, который когда-то был рабом, а впоследствии ему была дарована свобода, и суждения которого были столь же независимыми в начале, что и потом.

признавался, что его буквально поражали те «чудеса, которые совершали свободные люди, чтобы защитить себя от гнета».⁹

Несмотря на то, что уникальность личной свободы автоматически признавалась на протяжении всей истории человечества, для экзистенциалистов это по-прежнему являлось тем, на чем основывается их философия в данном вопросе. Шеллинг, один из первых экзистенциалистов, неустанно повторяющий, что «Человек рожден для действий, а не размышлений», также говорил о том, что «начало и конец любой философии – это Свобода». Современные экзистенциалисты рассматривают свободу как то, чего больше всего страшатся в наш век с его конвейерным воплощением человеческой личности. В драме Жана-Поля Сартра «Мухи», Зевс, разочаровавшись в собственных попытках оказать давление на Ореста, восклицает «Наглое отродье! Так я не ваш король? Кто же тогда сотворил тебя?» И Орест отвечает ему: «Ты. Но ты совершил грубую ошибку: ты не должен был давать мне свободу». И потом уже Орест заключает: «Я и есть моя свобода». Сартр прямо говорит о том, что свобода не только является самым важным для человеческого существа, но также утверждает и то, что свобода и человеческое существо тождественны.

Подобная идентичность свободы и бытия подтверждается тем фактом, что каждый из нас ощущает себя реальным в момент выбора. Когда человек утверждает «я могу» или «я выбираю» или «я буду», он ощущает собственную значимость, ведь раб не может говорить подобные вещи. Карл Ясперс замечает «В процессе выбора, когда я только узнаю, что значит спонтанность моей свободы, я впервые признаю себя, свое подлинное Я». «Существование можно считать подлинным, лишь когда есть свобода... Свобода... это одна из составляющих существования». «Лишь в моменты, когда я претворяю в жизнь собственную свободу, я полностью являюсь собой». «Быть свободным означает быть собой».¹⁰

Возможность изменений, что, как мы уже отмечали, и есть свобода, включает в себя также способность оставаться таким, какой ты есть. Но человек уже будет совсем другим, рассмотрев возможность и отклонив изменение. Кроме того, подобное из-

⁹ Quoted by Chomsky, *op.cit.*, p. 392.

¹⁰ Kurt F. Reinhardt, *The Existential Revolt* (Milwaukee: Bruce, 1952), pp. 181-83.

менение не следует путать с изменением ради самого изменения, что мы еще увидим, или же изменением с целью ухода. Отсюда идет самая большая неразбериха вокруг подлинной свободы, что связано с разного рода соглашениями. На мой взгляд, Солженицын, заслуживший это право говорить о свободе благодаря собственным героическим усилиям, допускает ошибку, утверждая:

Свобода! Когда подростки 14-18 лет пребывают в праздности и предаются развлечениям вместо того, чтобы решать какие-то задачи и духовно расти. Свобода! Когда здоровые молодые люди избегают работы и живут за счет общества.¹¹

В данном случае Солженицын путает свободу с соглашением и безответственностью, а также всем тем, что совершается от скуки. Он не видит того, что так точно подметил его соотечественник, Достоевский, а именно: свобода – это всегда некий парадокс.

Соглашение – это свобода без судьбы, без ограничений, которые столь же важны для подлинной свободы, как и то, что день обязательно сменяется ночью. Как мы увидим далее, свобода включает в себя то, как человек сталкивается с собственными ограничениями, как он участвует в своей судьбе каждый день. Протей, греческое божество, способное принимать самые разные обличья, дабы уйти от ответа, может быть неким символом уклончивости в наши дни, но его никогда нельзя было считать символом свободы.

Даже тот, кто отрицает свободу, предполагает ее. В случае отрицания свободы цель состоит в том, чтобы быть правильным, – т.е. зависеть не только от предвзятого мнения или того, не было ли в тот день проблем с пищеварением, но и объективных норм, которые человек в состоянии принять или отвергнуть. Так чем же является эта способность «принимать или отвергать», как не нашей свободой? Как мы сможем увидеть ниже, детерминизм, будучи одной из точек зрения, требуется и предоставляется свободой. В этом смысле убеждение, не лишенное детерминизма, отчасти является и становится необходимым для человеческой

---

¹¹ Речь Солженицына при вручении ему премии Фондом в защиту свободы в Стэнфордском Университете 1 июня 1976 г.

свободы так же, как сначала должна наступить непроглядная мгла, прежде чем можно будет различить свет.

Таким образом, имеются веские доводы для того, чтобы прийти к заключению, что свобода важна для человеческого достоинства. Фон Гумбольдт очень точно это выразил: «Я себя чувствовал так, как будто в меня вдохнули жизнь, я ощущал глубочайшее уважение, испытывая чувство собственного достоинства; я стремился к свободе, тому единственному, что соответствует этому чувству».¹² В эпоху Ренессанса Пико делла Мирандола также отождествлял свободу с человеческим достоинством. Он изображает Создателя:

Ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным не сотворил я тебя, так что можешь быть свободен по собственной воле и совести — и сам себе будешь творец и создатель. Лишь тебе даровал я возможность расти и меняться по собственной воле твоей. Ты несешь в себе семя вселенской жизни.

Человеческое достоинство основано на свободе. А в основе свободы лежит человеческое достоинство. Одно предполагает другое.

Однако, в эпоху Ренессанса Пико делла Мирандола мог использовать те определения, которые представляют некие сложности в наш век, например, «свободная воля». «Свободная воля» в общепринятом смысле представляется понятием, которое вызывало бесплодные споры на протяжении многих лет. Речь идет о том, что это затрагивает все человеческое существо, которое является свободным, а не подразумевается какая-то отдельная часть, например, воля. Безусловно, воля важна, и к этому мы еще вернемся, когда нам придется еще раз подчеркнуть то, что свобода – это способность утверждать, что «я буду» и «я могу». Но это «я буду» говорит не о какой-то определенной способности, что подразумевается под «свободной волей», но о целостном Я, включая такие различные аспекты Я, как: свобода что-то предпринимать в отношении своего тела, свобода воображения, свобода предаваться мечтаниям, свобода принимать на себя обязательства, – на самом деле то, что существует такое

---

¹² Quoted by Chomsky, *op.cit.*, p. 397.

понятие, как свобода всего человеческого существа. Даже способность не верить в свободную волю можно считать одним из проявлений свободы.

Свобода – это возможность «самореализации», основанная на личном выборе, свободном соглашении и спонтанных действиях, или же «личной инициативе»,¹³ на что ссылается антрополог Малиновски.

Свобода – это возможность. Кьеркегор говорил об этом полтора века назад, и это по-прежнему можно считать лучшим определением свободы. Вот как отражает это Эмили Диксон в своем стихотворении:

Живу в воображении
 И это лучший дом,
 Там двери высоченные,
 И окна там кругом –
 Там спальни непрозрачные,
 Чужим вход воспрещен.
 А крыша – просто вечная –
 Открытый небосклон.
 Там гости – только лучшие.
 А чтоб себя занять –
 Я руки раскрываю там,
 Стараясь рай обнять.¹⁴

Слово «воображение» происходит от латинского *posse* («быть способным»), этот корень можно также увидеть в слове «сила». Так начинаются эти долгие и мучительные отношения, – бесконечно обсуждаемые вопросы в самых разных парламентах по всему миру, за которые борются и проливают кровь в бесчисленных сражениях, – отношения между свободой и властью. Мы знаем, что бессилие равносильно рабству. И прописная истина заключается в том, что если люди хотят быть свободными, они, соответственно, должны обладать личной властью: в форме автономии и ответственности. Женское освободительное дви-

¹³ Bronislaw Malinowski, *Freedom and Civilization* (New York: Roy, 1944), p. 242.

¹⁴ Emily Dickinson, Poem 657, in the *Complete Poems of Emily Dickinson*, ed. Thomas H. Johnson (Boston: Little, Brown, 1890), p. 327.

жение приводило убедительные доводы, оспаривая эту точку зрения.

Возможности, безусловно, необходимо разграничивать: беспорядочные действия, потому что человеку удобнее что-то делать, нежели бездействовать, есть злоупотребление свободой. Никсону можно вменить это в вину, что прослеживается в его работах, в которых говорится о «невыносимом напряжении, которое нарастает...напряжении, от которого можно избавиться, лишь совершив, так или иначе, какое-то действие. Когда мы не знаем, как действовать, или не имеем возможности действовать, – это то, что разрывает нас изнутри».¹⁵ Подобное компульсивное желание действовать, – в своих крайних проявлениях это то, что мы называем «отреагированием» в терапии, – зачастую является симптоматичным для психопатической личности.

И, напротив, личная свобода связана со способностью удерживать в сознании различные возможности, даже несмотря на то, что в этот момент может быть не совсем ясно, в каком направлении человеку следует двигаться. Для начала, эти возможности просто должны быть, иначе жизнь человека будет совершенно пустой. Психологически здоровый человек способен встретиться с собственной тревогой и управлять ею в подобных ситуациях, в отличие от невротика, у которого тревога, рано или поздно, блокирует его осознание свободы, и он себя ощущает так, как если бы на нем была смирительная рубашка. Свобода всегда связана с некими «возможностями»; это придает свободе невероятную гибкость, показывает ее притягательность и таит в себе опасность.

2. Лицемерие свободы

В настоящее время мы переживаем серьезный кризис свободы, когда ее значение не совсем понятно, а тех, кто использует это слово, называют ханжами, что зачастую вполне оправдано. В наши дни свободу окружают парадоксы, многие из которых мы считаем поверхностными во всех отношениях. Джеймс Фармер, бывший директор CORE, говорит следующее о Второй мировой войне:

---

¹⁵ Irving Janis and Leon Mann, *Decision Making* (New York: The Free Press, 1977), p. 47.

Все в этой войне делалось во имя свободы и демократии. Нас всех мобилизовали на защиту американского образа жизни. И, тем не менее, среди пылающих пожаров за границей было совершенно явственно, насколько несвобода и неадекватность характеризуют данный образ жизни. Многие жертвы депрессии по-прежнему голодали и пребывали в страхе; во всей стране люди были обречены на изнурительный труд, а заработная плата при этом была мизерной. И всегда можно было увидеть Негра, настоящего солдата, на полях сражения Франции, а дома по-прежнему находился сын Хама, слуга в нескольких поколениях среди своих братьев.¹⁶

“Свобода – всего лишь красивое слово, означающее, что терять уже нечего”. Все это говорит нам о том, что множество людей, представления которых, так или иначе, совпадают в этом вопросе, считают данное определение некоей приманкой для того, чтобы они пустились в непонятный путь, якобы усыпанный розами. Эти люди видят все то лицемерие, фальшь, искусственные декорации и уловки, из-за чего это слово, имеющее когда-то позитивную коннотацию, теперь стало практически неиспользуемым. Являясь «самым ценным словом» в нашем языке, самым ценным опытом человечества, – «свобода» зачастую оказывается синонимом некоей пародийности.

Подобно другим словам, бывшим когда-то в обиходе, – «истина», «красота», «Бог» – слово «свобода» может вскоре оказаться употребляемым лишь в ироничном контексте, как это было показано поэтом У.Х. Оденом в поэме «Неизвестный гражданин».

Его мнение было всегда верным на данный сезон:

В мирное время он был за мир, в военное – шел воевать.

В конце перед нами предстает совершенно конформный «нормальный» человек:

Был он свободен? Счастлив? Абсурдный вопрос;
Будь что-то не так, нам, несомненно, прислали б донос.

¹⁶ James Farmer, *Freedom – When?* (New York: Random House, 1965), p. 53.

Случаи вопиющего отрицания личной свободы можно наблюдать в особенно настойчивых и громких протестах в защиту нашей свободы. Достаточно лишь пристального взгляда на всех этих МакКарти и прочих, чтобы мы могли по достоинству оценить ту песню, написанную когда-то Кристофферсоном и Фостером. Мы помним, как Джозеф МакКарти, самый бесчестный из этих «защитников» и «самозванцев», вызывающих у многих добропорядочных граждан испуг, заверял их в том, что под каждой кроватью находится коммунист. Жестокость и разрушительность МакКарти шли от того, что он наживался на людской тревоге, которая была результатом утраты ими собственной свободы. Огромная опасность свободы состоит в том, что мы оказываемся восприимчивы к подобному лицемерию: ибо под предлогом защиты нашей свободы может совершаться мощнейшее подавление ее. Сколько тиранов в истории вершили свои темные дела, при поддержке единомышленников, под знаменем свободы!

Подобное лицемерие стало практически тождественным слову «свобода» в умах и сердцах многих людей. Когда какой-нибудь спикер, едва закончивший среднюю школу и делающий свои первые шаги, или человек, произносящий ура-патриотическую речь, обращается к нам с такими фразами, как «Америка, свободная земля», это наводит на нас тоску, и мы стараемся понять, как же он, следуя модели, предложенной МакКарти, собирается ввести нас в заблуждение. Как правило, ораторы – это люди, представляющие «имущих» в нашем обществе и имеющие значительные выгоды от настоящей экономической системы. Но большинство людей понимает, какой сильный страх могли испытать многие из таких ораторов, если бы им пришлось столкнуться с каким-то реальным восстанием, скажем, 1776 года.

В ходе выступлений на политических конвенциях летом 1980 г, можно было отметить, что чем более консервативен и реакционно настроен спикер, тем чаще у него звучало в речи определение «свобода». Достаточно вспомнить высказывание Жака Эллюля о человеке, что «его можно быстрее всего поработить, когда ему кажется, что он удобно устроился в собственной свободе».¹⁷

---

¹⁷ Cited by Alan Wolfe, "The Myth of the Free Scholar", in *Toward Social Change*, ed. Robert Buckout et al. (New York: Harper & Row, 1971), p. 64.

Юджин МакКарти говорил о том, что один из кандидатов в президенты во время выборов в 1980 г. приводил свои религиозные доводы, что «Соединенные Штаты стратегически были созданы Богом неким островом свободы между двумя континентами, где свобода либо отрицается, либо не признается».¹⁸ Подобное фарисейство представляется мне насмешкой над свободой.

Определение «свобода» используется и звучит как оскорбление, когда пытаются рационализировать нашу политику невмешательства государства в экономику свободного предпринимательства. Один из членов правления крупного университета, который также был президентом одной из первых на рынке нефтяных компаний в этой стране, приводил доводы в одной из частных бесед, что его компания намеренно прекратила подачу газа, чтобы повысить цены во время дефицита 1975-1976 гг., когда зима была особенно холодной. Он утверждал, что его компания имела «право» и «ответственность» в отношении своих акционеров зарабатывать для них столько денег, сколько возможно. Не скрывалось ли за этим то, что сохранение системы свободного предпринимательства было более важным, чем жизнь простых людей в Америке, которым пришлось очень несладко той зимой, а некоторые из них в прямом смысле замерзли из-за недостатка газа? «Право» и «ответственность» – слова, имеющие отношение к нравственности, но в данном случае они использовались для аморальных целей, что привело к страданиям тысяч людей, которым пришлось выживать в ту зиму, когда температура на улице опускалась ниже нуля градусов.

Тот аргумент, что подобную практику системы свободного предпринимательства следует защищать ценой любых человеческих страданий, представляется сомнительным. Наверное, мы уже забыли то, о чем говорил Ричард Тауни, лет сорок тому назад, что современный «индустриализм – это извращенная форма индивидуализма»? Ибо «отрицание любой власти (например, социальная ценность и функция), быстрее, чем какие-то личные причины...позволяло человеку свободно следовать собственным интересам или амбициям или устремлениям, не соблюдая субординации в отношении любых центров, которые делали

---

¹⁸ Eugene McCarthy, "The 1980 Campaign: Politics as entropy", *Christianity and Crisis*, 18 Aug. 1980.

акцент на лояльности».¹⁹ Тауни отмечает, что противоречивые тенденции имеют место и в самом индустриализме: «совершенно свободная» индустриальная система может разрушить собственный рынок и, в конечном счете, саму себя, что мы и можем сейчас наблюдать в нашей в автомобильной индустрии. Очевидно, это также имеет место в одновременном повышении уровня инфляции и безработицы. Эта дилемма зависит от того, как мы будем использовать определение «свобода». Поэтому очень важно, чтобы мы заново открыли его аутентичное значение!

Джастис Уильям О'Дуглас²⁰, как и многие другие отмечал то, что не может быть свободы, которая бы не начиналась со свободы принимать пищу и свободы работать. Эрвин Эдман писал о том, что «свобода включает в себя, – к чему впоследствии пришли Маркс и Роберт Оуэн, а также Эдвард Беллами, – экономические условия действия; а в борьбе за демократию экономическая безопасность только в последнее время, наконец, была признана политическим условием личной свободы».²¹

То же самое лицемерие и фальшь по поводу нравственных категорий свободы можно было увидеть в редакционной статье одного новостного журнала. Говоря о злоупотреблении личным пространством, а также неправильном использовании политической свободы в настоящее время и за последние несколько лет в этой стране, в данной статье делаются ссылки на одну из книг о немцах во время гитлеровской оккупации, которая называется «Они считали себя свободными»:

Как и хорошие немцы, мы [в Америке] продолжаем считать себя свободными, в то время как вокруг нас становится все больше разного рода досье, механизмов подавления, оружия политических убийств. Может ли это движение восстановить нашу свободу? Кто те лидеры, настаивающие на том, что здесь этого не произойдет?²²

---

¹⁹ R.H. Tawney, *The Acquisitive Society* (New York: Harcourt, Brace, 1920), p. 47.

²⁰ В своей книге «*О людях и горах*» Дуглас говорит: «Мы можем пронести свое бремя свободы через самые разные кризисы в истории, которых все больше и больше, только если полагаемся на собственные силы, которых достаточно для того, чтобы обрести эту свободу... Нам необходима вера, подразумевающая нечто большее и важное, чем мы сами». From Ramsey Clark, "William O. Douglas: Daring to Live Free", *Progressive* 40 (January 1976): 7-9.

²¹ Irwin Edman, *Fountainheads of Freedom* (New York: Reynal, 1941), p.7.

²² Editorial, *Progressive* 40 (January 1976): 5-6.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.